

УДК 124.3
ББК 87.628

КОСМОПЛАНЕТАРНЫЙ СМЫСЛ ФЕНОМЕНА НАДЕЖДЫ

Э.В. Баркова

Осуществлен опыт философско-культурологического обоснования феномена надежды в контексте гуманистической космопланетарной парадигмы. Показана востребованность и продуктивность разработки на основе классической методологии новой культурологической картины мира, центрированной категорией «надежда».

Ключевые слова: *надежда, человек, ноосфера, бытие, космопланетарный смысл, универсалии культуры, культурное пространство-время, будущее.*

Реконструкция смысла бытия человека и человечества открывает не набор абстрактных констант-универсалий, но хор голосов, творящих свою непростую мелодию. В ней отражается или угадывается полнокровная полифония самой жизни, мира, природы, космоса. И работа философа-культуролога сегодня, вероятно, состоит в создании нового типа теории, где бы органически соединились ведущие темы уникальных голосов локальных миров (даже если они очень тихие или периферийные) с открытием смысла самого хора. Хор здесь – это образ-идея ансамбля, сохраняющего ключевые общечеловеческие смыслы, *важные для бытия и сохранения надежды на развитие человеческой культуры.* И только при наличии такого ансамбля становятся различимы и голоса, разрушающие гармонию микро- и макрокосма, в которых различимы ложные мотивы, крики, «шумы бытия» или молчание, возникающее, когда миру уже нечего сказать человеку. Но голос гармонии мира пока еще различим, и он ведет нас к тем универсалиям культуры, которые превращают полифонию жизни в органически-живую целостность человека и мира, человека и его будущего, открывая основания ее устойчивости и внутренней связи частей-смыслов-культур друг с другом. Универсалии-голоса – это показатели

меры универсальности мира современного человека, где каждая «культура способна жить и развиваться (как культура) только на грани культуры, в одновременности, в диалоге с другими целостными, замкнутыми “на себя” – на выход за свои пределы – культурами» [2].

Однако не являются ли утопическими такие рассуждения в век антиутопий и, кажется, абсолютной победы релятивистских установок, породивших такую апатию и цинизм, такую вялость философской и научной мысли, при которых уже утрачена самоценность универсалий, выражающих высокие начала жизни, и доминантой общественных настроений стало состояние фрустрации с его чувством безысходности, гнетущей тоской и тревожностью. Безысходность, тоска, депрессия – далеко не полный перечень определений абсурдности мира ушедшего XX века. Глубина его кризиса проявилась прежде всего в том, что надежда, которая, как известно, умирает последней, едва ли не впервые за многие столетия ушла из философии и культуры не только как категория сознания, но и как определение, атрибут, как текст и контекст бытия.

Одним из самых впечатляющих образов, выразивших это состояние человечества XX в., стал образ Сизифа, философским образом истолкованный А. Камю [4, с. 90–92]. Приговор, вынесенный А. Камю современному обществу, заключается том, что будущее не несет надежды, ибо абсурд – непреходящее состояние человека, общества и самой жизни, воплощением чего и является положение Сизи-

фа, обреченного вечно вкатывать на крутую гору громадный камень, который всегда будет скатываться обратно вниз.

Однако греческий миф неизмеримо глубже и правдивее образа А. Камю. Бессмысленность, бесцельность и безнадежность – вовсе не вечно-изначальное состояние человечества. Сизиф, рассказывает древний миф, – основатель города Карфагена, сын бога повелителя всех ветров Эола. «Никто во всей Греции не мог равняться по коварству, хитрости и изворотливости ума с Сизифом. Сизиф благодаря своей хитрости собрал неисчислимые богатства у себя в Карфагене» [6, с. 111]. Предшественник софистов, обреченный на вечно безнадежное существование, наказан богами, и наказан *справедливо* за великий грех – попытку обмануть порядок самого мира, установленный богами, и, встав над ним, создать для себя иной, особый порядок, переиграв логику самого мира для своей личной роскошной жизни и веселых пиров.

Современный мировой экономический кризис отчетливо показывает следствия мировоззрения современных Сизифов и их игровых моделей, в которых органическая целостность бытия в ее всеобщности и закономерностях вообще снята суммой «раскрученных» креативных индустрий и проектов, а методология классической мысли, направленная на открытие объективной истины, в полной мере заменена неклассической философией существования. Что это? Подготовка нас к скорому уходу с большой исторической сцены?

Как о безальтернативном факте самоснятия человечества говорят сегодня, в эпоху, получившую определения антропологического кризиса и постсовременности, и ученые, и – что уж совсем парадоксально – философы. Так, автор нашумевшей книги «Nano sapiens, или Молчание небес» В.М. Кишинец уверенно утверждает: «Произойдет то, что я называю переходом. Когда это случится? Существенно быстрее, чем может показаться. Все будет зависеть от сроков создания действующего нобота... Наиболее реалистический прогноз – через 10–15 лет может появиться первый прототип нобота... Анализ показывает, что определенный период перед этими событиями... приведет мир к неслыханным потрясениям – глобальной гуманитарной катастрофе» [5, с. 2].

Современный мир и здесь – безнадежность и пустота, безразлично подчиняющая себе бытие. Альтернатив нет. А потому все зависит от времени разработки и апробации нанотехнологий. Пустота или игра голосов – смыслов, текстов, образов – все равно, чем заполненных.

Между тем, все же не случайно столь важным традиционно считалось раскрытие онтологического содержания выделенных еще в христианской традиции таких феноменов бытия человека, как вера, надежда и любовь – главных ценностей христианской этики. При их смысловой и ценностной близости они раскрывают разные, но связанные между собой аспекты укоренности человека в мире, выявляя и разные пласты бытия самого человека как личности. Проявляясь в многообразии образов, ценностей, идеалов, эти универсалии культуры всегда не просто констатировали голоса – разнородные приметы существования, но открывали онтологию мира человека. И открывали ее прежде всего через те формы его укоренности в бытии (экзистенциалы, установки, стремления), где всегда было место не только вере, любви, мудрости, но и большому и чистому дыханию надежды. И сегодня, по моему убеждению, в философии культуры эта категория должна занять центральное место, ибо ее содержание и гуманистический смысл может центрировать мироотношение современного человека и человечества. Содержание надежды – не только прямо, непосредственно – всегда присутствует в представлениях о будущем человечества. Уже самим фактом своего существования надежда утверждает жизнь, возможность радости и ликования – ибо всегда и все надеются на лучшее. Утверждает надежду и неслучайное, укореняющее человека в толще бытия принципиальное единство логики развития космоса, ноосферы и человека.

Сегодня это особенно важно, во-первых, как поддержка тех направлений мысли и творчества, тех философских и художественных традиций народной и классической культуры, где со всей определенностью утверждаются высокие нормы, где высокое соотносено с идеалом, с должным, а низменное названо недостойным, неистинным, безобразным. У. Эко заметил: «интеллектуальный долг – утверждать невозможность войны. Даже если ей не видно никакой альтернативы» [12]. Долг интеллиген-

ции сегодня – напомнить о самоценности надежды и неистребимости объективной истины, красоты, добра. Даже в наше время.

А во-вторых, такая работа важна потому, что существуют никем, насколько я знаю, не опровергнутые, но молчаливо и неслучайно «сдвинутые» на периферию культурного пространства научные концепции, обоснованные и многократно подтвержденные практикой, в которых доказан объективный смысл гуманизма как типа мироотношения. Прежде всего, речь идет об идее ноосферы в учениях П.Т. де Шардена и В.И. Вернадского.

Позволю себе напомнить, что известная статья «Несколько слов о ноосфере», законченная в 1944 г., была написана в годы Великой Отечественной войны. Как ученый-естествоиспытатель и философ-гуманист, В.И. Вернадский не сочинял абстрактный проект – ответ на легко угадываемый социальный заказ, а убедительно вскрывал логику развития объективного мира и аргументированно доказывал, почему есть реальные основания надежды, почему важна твердая вера в победу, в которой должен проявиться объективный закон жизни. А потому выражал абсолютную уверенность в неизбежности победы над фашизмом. «Сейчас мы переживаем новое геологическое эволюционное изменение биосферы. Мы входим в ноосферу. Мы вступаем в нее – в новый стихийный геологический процесс – в грозное время, в эпоху разрушительной мировой войны. Но важен для нас факт, что идеалы нашей демократии идут в унисон со стихийным геологическим процессом, с законами природы, отвечают ноосфере. Можно смотреть поэтому на наше будущее уверенно. Оно в наших руках. Мы его не выпустим» (цит. по: [8, с. 220]).

Контекст учения великого мыслителя и натуралиста В.И. Вернадского ясен: человечество, становясь геологической планетарной силой, обязано действовать по-человечески разумно и гуманно, то есть на основе научного подхода. Это путь – не в постсовременность, не к снятию своей идентичности, а гуманистический путь к себе, к обретению на основе развития своего космо-планетарного измерения новых великих целей и великих надежд. Сама надежда как целеполагающая проекция человека в контексте

учения В.И. Вернадского становится геологической силой, а потому и условием обретения человеком планетарного масштаба на основе коэволюционного развития человека, культуры, общества и природы, их гармоничного взаимодействия.

Думается, такой космопланетарный смысл онтологии надежды может лечь в основание новой гуманистической футурологии культуры, разработанной на основе классической методологии. В ней может быть преодолена диспропорция между ощутимой потребностью в возрождении надежды в культуре, с одной стороны, и значительным отставанием ее философско-культурологического осмысления – с другой.

Дело в том, что хотя в современной отечественной науке надежда стала предметом мысли, но исследуется она почти исключительно в аспекте психологии. Даже в справочных изданиях она понимается прежде всего как «положительно окрашенная эмоция, связанная с ожиданием удовлетворения потребности, а также философский, религиозный и культурный концепт, связанный с осмыслением состояния человека, испытывающего эту эмоцию» (см.: [15]).

В тех же редко встречающихся философских изданиях, где ей уделяется внимание, не артикулируется и не раскрывается гуманистический потенциал надежды в современной культуре и европейской философии. «Надежда, – читаем в энциклопедическом словаре, – подобно понятиям “антиципация”, “желание”, “оптимизм” или “утопия” означает аффективное основание бытия человека, обращенное к лежащим в будущем реализуемым возможностям» [10, с. 158].

Глубоко и интересно раскрыл роль надежды и ее структуры в целостном мироотношении В.А. Андрусенко, осуществивший философско-психологическое исследование, позволившее «представить надежду как системное духовное качество, объединяющее в себе и свойства материальной телесной организации, и свойства интимных душевных процессов, и уникальное операционное соединение материальных и нематериальных компонентов в репрезентантах человеческого мироположения (образах судьбы, жизни смерти и т. п.), становящееся в направлении максимальной жизненной защищенности, эффектив-

ности представленности в мире, пластичности мироотношений...» [1, с. 99].

Между тем надежда как универсалия культуры, ценность и эмпирически необходимый «компас земной» была выделена еще в далеком прошлом. Действительно, при всем многообразии и неповторимости существовавших в различные эпохи культур, анализ каждой из них обязательно обнаруживает тот или иной образ надежды, через который раскрываются и конкретизируются черты будущего, как оно виделось представителям разных эпох и народов.

Надежды героев древних мифов и сказаний на справедливость божественных сил Природы; надежды средневекового человека, связанные с возможностью обретения счастья в раю, достижимого через земные страдания; надежды на открытие средствами искусств и наук тайн божественно прекрасной природы, включая и природу человека, в произведениях титанов и великих гуманистов эпохи Возрождения; надежды на разум человека и его способность построить справедливое общество, характерные для эпохи Просвещения; современная футурология с ее моделями технократического видения будущего, представлениями о новых горизонтах, которые открываются благодаря ценностям информационного или постиндустриального общества – все эти и многие другие образы, символы и модели надежды создавались и продолжают создаваться сегодня в контексте каждого общества и каждой культуры. И уже сам факт постоянного присутствия этого образа, в каких бы конкретных формах он ни выступал, приводит к мысли о необходимости его воспроизводства и выполнении им каких-то фундаментальных, существенных функций, обязательных для нормального развития социокультурного бытия как целостности. Одной из главных таких функций является то, что надежда, как маяк, ориентирует, ведет, поддерживает не только личность, общество, но и бытие всего человечества, мировой культуры в установке на принципиальную возможность преодоления трудностей, освоения и решения жизненно важных, в том числе глобальных, проблем человеческого бытия, связанных с сохранением жизни на нашей планете.

В этом процессе освоения – если перелистать историю становления и развития феномена надежды, его онтологических особен-

ностей – далеко не все идеи прошлого оказываются реликтовыми пластами, утратившими сегодня свой смысл, не все оказывается снятым.

Прежде всего, надежда – это фундаментальное ценностно-духовное проявление человеческой субъективности, способности человека как сознательного существа выходить за пределы настоящего к будущему, возможному, то есть осуществлять свою сущность через свободу и творчество. Впервые этот аспект надежды был осмыслен великим Августином Аврелием, который, как известно, трактовал будущее как наши надежды, наши чаяния, к встрече с которым открывается душа и сознание человека. Поэтому надежда у Августина выступает как способ формирования содержательных связей между модусами времени – будущим, настоящим и прошлым, хотя со временем связаны также идеалы, цели, возможности. Открытие субъективного времени – величайшее открытие Августина – не случайно ориентирует нас на саморазвитие в пространстве нравственного смысла исторического и культурного времени, который зависит от человека, его воли и сознания, от способности всегда создавать и сохранять образы надежды.

Конечно, надежда – это средство конструирования бытия человека, но как оно происходит и в чем его специфика? Возможно, надежда – это такая предельно всеобщая абстрактная категория, на основе которой происходит рождение неограниченных, любых возможностей: как проводник универсальных возможностей человека и человечества надежда внепредметна. Однако надеется человек всегда на лучшее, доброе, светлое будущее.

И как показывает история феномена надежды, она редко воспринимается в качестве предмета чисто рационального осмысления и конструирования: в большей мере надежда – предмет эмоционального переживания, оценки, интерпретации в контексте различных ситуаций. Может быть, именно поэтому она выступает глубинным ключевым и определяющим пластом в содержании будущего как модуса культурного времени. Если так, то понятно, почему прав Л.Н. Толстой, охарактеризовавший состояние молодости как такое, когда «все силы души направлены на будущее, и будущее это принимает такие разнообраз-

ные, живые и обворожительные формы под влиянием надежды, основанной не на опытности прошедшего, а на воображаемой возможности счастья, что одни понятия и разделенные мечты о будущем счастья составляют уже истинное счастье этого возраста» [11, с. 172–173].

Человекотворческое и жизнеутверждающее основание, мобилизующий потенциал надежды и опыт ее осмысления показывают, что она обладает способностью открывать новые горизонты бытия как пространство саморазвертывания человека, как способ его самоутверждения в качестве творца общественной жизни. Все это подтверждает ее необходимость в человеческом мироотношении, в сохранении активной позиции человека в мире. Отсюда универсальность объективного смысла и роли надежды в мировой культуре становится достаточно очевидной.

Интересно, насколько многообразно раскрыты аспекты космопланетарного смысла надежды в сочинениях представителей русского космизма – в учениях Н.Ф. Федорова, В.С. Соловьева, К.Э. Циолковского и др. Скажем, при сходстве взглядов на потенциал науки и статуса человеческого разума, которого придерживались Н.Ф. Федоров и В.И. Вернадский, позиция В.И. Вернадского, как мне представляется, сформулирована точнее: надежда на будущее человечества в ней основана не просто и не только на здоровом оптимизме, вере в человека, но сопряжена с предельной осторожностью и отчетливо высказанными критическими замечаниями о готовности человечества XX в. использовать достижения науки и техники.

В космическом антропоцентризме В.С. Соловьева выявлен другой важный аспект надежды, исследованный А.Г. Маслеевым. В нем надежда, как и любовь, делает человека и космос равноценными сущностями, не существующими друг вне друга, а человек обретает надежду на основе раскрытия индивидуальной свободы. А «сам духовный Абсолют становится возможным, поскольку существует человек, свободно осуществляющий свой выбор в пользу добра. Трансцендентное нуждается в имманентном, живет и прорастает им. Отсюда вывод о смысле любви, освещающей путь... к обретению идеала и веру в собственные силы» [7, с. 123].

Труды и идеи русских космистов, как и анализ философов-холистов, философии Живой Этики Е.И. Рерих, учения П.Т. де Шардена, идеи которых продолжают развиваться в трудах многих отечественных мыслителей, свидетельствуют о плодотворности мироотношения, в котором надежда выступает в своем новом космопланетарном измерении. Здесь надежда характеризует антропологическое измерение космоса как пространства развития человека и, прежде всего, его духовной жизни. В этом ключе – явно или неявно – решаются философско-культурологические и аксиологические проблемы человека: ценности жизни, личности, счастья, общения, творчества, любви. С этой точки зрения анализируются и категории «субъективность», «духовность», «идеал», «вера», «молчание», «стыд» и др. В этом контексте прояснение феномена надежды выявляет тот особый ракурс бытия человека, в котором все эти категории получают свое культурно-онтологическое обоснование.

Кроме того, значительные перспективы, связанные с исследованием космопланетарного смысла феномена надежды, открывает дальнейшее исследование содержательности социального и культурного пространства-времени, развивающее представления о субъективности времени Августина Аврелия. Именно в контексте культурного времени, где органично соединяются гуманистическое, деятельностное, ценностное, мировоззренческое и другие направления анализа человека, позволяет выявить новые координаты бытия человека и сделать, тем самым, следующий шаг к пониманию надежды как универсалии культуры. Вспомним, что еще в 1970-е гг. А.И. Яценко связывал социальное пространство и время с объективно-реальными формами предметно-практической целеполагающей деятельности: «Будущее, – писал он, – есть способ полагания человеком своего нового бытия, нового социального пространства. Прошлое – это не просто то, что прошло: оно – форма аккумуляции человеческого опыта, создание оснований для новых целей... важнейшая значимость будущего состоит не просто в том, что оно есть способ полагания нового бытия, а в том, что в его форме полагается социальное поле новых возможностей и новых оснований для дальнейшего развития сущностных сил человека» [14].

Через пространственно-временную форму существования человека показан ряд исходных и ключевых особенностей человека XX в. в философии экзистенциализма, хотя непосредственно категория «надежда» им практически не исследовалась, поскольку в работах экзистенциалистов человек выделен из общества и противопоставлен ему как носитель подлинного существования. Тем не менее, скажем, Ж.-П. Сартр, раскрывая категорию свободы, связывал ее реализацию – как условия дистанцирования человека от наличных условий его жизни – с надеждой, открытостью будущему, с созданием человеком тех или иных новых возможностей. Сартр писал: «Наше первое восприятие объективного времени является *практическим*; как раз, будучи своими возможностями по другую сторону сопresentствующего бытия, я открываю объективное время как коррелят в мире из ничто, которое меня отделяет от моей возможности. С этой точки зрения время появляется как конечная, организованная форма в глубине неопределенного рассеивания... но, с другой стороны, поскольку я всегда проектирую себя к возможностям только посредством организованного ряда подчиненных возможностей, которые являются тем, что я имею в бытии, чтобы быть... время раскрывается для меня как объективная временная форма, как организованная последовательность вероятностей: эта объективная форма, или промежуток времени, выступает в качестве *траектории* моего действия» [9]. А поскольку социальное пространство-время является формой человеческой деятельности и целеполагания с его ценностно-мировоззренческими траекториями-ориентирами, то оно включает в свое содержание и онтологические характеристики надежды как социокультурного феномена и особого направления изменения жизнетворчества человека и культуры.

Таким образом, и надежда как целеориентирующая позиция человека в мире входит в содержание социального пространства-времени, а значит – ее исследование выходит на уровень межсубъектных культурно- и социально значимых коммуникаций. Именно в силу того, что пространство-время неразрывно и органично связано с процессом целеполагания, оно выполняет и роль траекторий форми-

рования и осуществления надежды. Отсюда – новые перспективы, открывающие горизонты исследования универсально-космопланетарного смысла надежды как вектора развития бытия человека в современном мире.

Если попытаться на основе сказанного кратко определить феномен надежды, то можно сказать, что она выступает интегральным проявлением незавершенности человека, его постоянной открытости миру, но не абстрактному космосу и не любым симулякрам, а миру высокого, истинного, доброго и прекрасного, и одновременно – открытости мира для человека, для всего человеческого в человеке. В этом отношении надежда – это универсальная форма расширения бытия человека, а вместе с этим – и бытия мира. Надежда связывает эти два отношения в единство и тем самым на уровне смысла бытия обеспечивает связь или совпадение субъективных интересов и целей с объективными законами и тенденциями развития общества. Поэтому надежда оказывается одним из важнейших средств объективации субъективного в культуре, она формирует установку человека и общества на достижение поставленных ими целей, на движение за утверждение высоких идеалов.

Это особенно актуально сегодня, когда общество столкнулось с общепланетарным и системным – экологическим, социальным и духовно-культурным – кризисом и продолжает движение к катастрофе, свертывая основания надежды как условия и формирования ноосферы, несмотря на ее жизненно важный потенциал и перспективы для жизни российского и мирового сообщества. По-видимому, социальные основания этого связаны не только с неадекватными масштабу стоящих перед нами задач уровнем морали и экологической культуры, но и предельно слабо осязаемым социально-интегративным воздействием надежды. В самом деле, доминирующей мировоззренческой установкой сегодня является признание зависимости человека от иррациональных – божественных, экономических, политических – воздействий внешних сил и факторов, ход которых непредсказуем и не зависит от наших желаний и стремлений. Поэтому воля общества к формированию ноосферы как регулятивного принципа бытия должна определяться реальностью надежды – про-

явлением потенциала жизнеспособности объединенного человечества. Важно, чтобы это осуществлялось не внешним образом, не прямолинейным и лобовым настойчиво повторяющимся морализаторством, а содержательно, на основе осмысления высоких традиций культуры, философии, науки и формирования воли к преодолению препятствий.

Великий ноосферный смысл надежды противоположен описанной Ж. Бодрийяром в «Америке» рефлексивно-вежливой, или простой «голливудской», улыбке, «которую каждый прохожий тебе адресует – дружелюбное движение челюсти... здесь вам улыбаются, и вовсе не из любезности или желания нравиться. Эта улыбка означает лишь необходимость улыбаться. Что-то вроде улыбки Чеширского Кота: она еще долго держится на лице после того, как все эмоции исчезли. Каждое мгновение вас одаривают улыбкой, но она остается неизменной и ничего не выражает... Улыбка иммунитетная, улыбка рекламная. “Эта страна хороша, сам я тоже хорош, и все мы самые лучшие”... Улыбайтесь, если вам нечего сказать, не скрывайте того, что вам нечего сказать, или что вам нет дела до других. Пусть эта пустота, это глубокое равнодушие просвечивает в вашей улыбке, сделайте подарок другим из этой пустоты и безразличия, осветите ваше лицо нулевой степенью радости и удовольствия, улыбайтесь, улыбайтесь» [3, с. 100–101].

Открытая на рубеже XIX–XX вв. общая форма бытия планетарного человечества – ноосфера сегодня открывает новые возможности для нашей самоидентификации в ракурсе надежды и отчетливого осмысления принципиального отличия двух проекций нашего мировидения на мир. В одной из них, получившем самое широкое распространение в современной жизни и науке, возможны лишь надежды-симулякры, надежды-иллюзии, надежды-проекты, способствующие обустроенности и комфорту личного микромира. В другой – человек и сегодня вновь, как микрокосм, оказывается способным соотнести себя, но уже с позиций современной науки и практики, с «большим» космосом, целостностью мира, его великой духовностью, с божественной красотой и истиной Природы и на основе этой целостности решать самые крупные и сложные задачи, ставить самые великие творчески-

созидательные цели. Здесь надежда – категория, получающая *объективный статус* в философии и культуре и на его основе регулирующая жизнь человека, формирующая его отношение к будущему на базе единства науки, эстетики, этики, осмысления ценности жизни и ответственности человечества за ее сохранение. А если так, есть ли у человечества объективные основания для надежды преодолеть современный кризис и продолжить человеческое бытие с его историей и культурой?

Думается, что в силу того, что надежда – интегральное проявление незавершенности человека, его – повторим еще раз – постоянной открытости миру, она может быть одной из тех категориальных форм, с помощью которых может быть осуществлен переход субъективного в объективное, сформироваться готовность к достижению высоких целей, к движению к идеалам единения человечества на полифонической основе идей, образов, идеалов. В самом деле, именно контекст надежды сегодня по-новому открывает смысл хора голосов, утверждающий жизнь на Земле в самых разных формах искусства, науки, религии или морали. А потому «подобно Братству Миров в небесных пространствах, на Земле должно существовать Братство Народов, воплощающее истинный дух Вселенского Братства без различия рас, возраста, цвета кожи и вероисповедания. Только так можно избежать угрозы космической катастрофы... Несмотря на весь трагизм XX века, вершащийся и предсказанный еще в древности Армагеддон, все же мировое сообщество неуклонно двигалось, пусть медленно, к осознанию своего единства, к необходимости “мира во всем мире”. Хотя и с трудом, путь объединения продолжается и поныне» [13, с. 71].

Сказанное позволяет понять, почему надежда постоянно включена в процесс освоения культурной и природной реальности как *уловие возвышения бытия человека* над любыми наличными условиями и обстоятельствами; как объективная категория, позволяющая различать цели истинные и ложные, надежды подлинные и иллюзорные, то есть открывающие бытие или миры симулякров; как основа способности человека и человечества формировать высокие цели и добиваться их осуще-

ствления. Вот почему без надежды общество и личность оказываются незащищенными перед деструкциями и все более усложняющимися тенденциями и обстоятельствами, перед разрушительными тенденциями современного мира, порождающими безнадежность и цинизм.

Таким образом, космопланетарный смысл феномена надежды ориентирует человечество на такой тип изменения своего мироотношения, при котором оно может открыть и развить в себе свойства, позволяющие сформировать новую, жизне- и бытиеутверждающую антропо-космо-культуроцентрическую картину мира на основе развития представлений о ноосфере и гуманистических традиций культуры. Это необходимо, по моему убеждению, не только для возвращения к высоким идеалам науки, построенной на основе классической методологии с ее поиском и исследованием истины; к развитию новых форм разумного воздействия человечества на мир, но и для сохранения жизни и бытия человека на планете. Вот почему категория надежды имеет перспективы и основания для своего обновленного философско-культурологического прочтения и всестороннего исследования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андрусенко, В. А. Надежда в мироотношении человека / В. А. Андрусенко // Формирование целостного мироотношения и духовная культура : сб. ст. – Оренбург : Изд-во ОГТУ, 1995. – С. 57–99.

2. Библер, В. С. От наукоучения – к логике культуры. Два философских введения в XXI век / В. С. Библер. – М. : Политиздат, 1991. – 286 с.

3. Бодрийар, Ж. Америка / Ж. Бодрийар. – СПб. : Владимир Даль, 2000. – 206 с.

4. Камю, А. Сизиф / А. Камю // Бунтующий человек / А. Камю. – М. : Политиздат, 1990. – 415 с.

5. Кишинец, В. М. Нашествие ноботов / В. М. Кишинец // НГ – EX LIBRIS. – 2009. – 3 дек. – С. 2.

6. Кун, Н. А. Легенды и мифы Древней Греции / Н. А. Кун. – М. : Гос. учеб.-пед. изд-во М-ва просвещения РФ, 1955. – 451 с.

7. Маслеев, А. Г. Антропологический смысл русского космизма / А. Г. Маслеев. – Екатеринбург : УрГЮА, 2001. – 206 с.

8. Прометей : ист.-биограф. альм. Т. 15. В. И. Вернадский. Материалы к биографии / сост. Г. Аксенов ; науч. ред. И. И. Мочалов. – М. : Молодая гвардия, 1988. – 352 с. – (Сер. «Жизнь замечательных людей»).

9. Сартр, Ж.-П. Бытие и ничто. Опыт феноменологической онтологии / Ж.-П. Сартр. – М. : Республика, 2000. – 639 с.

10. Современная западная философия : энцикл. слов. / под ред. О. Хеффе, В. С. Малахова, В. П. Филатова ; Ин-т философии РАН. – М. : Культурная революция, 2009. – 386 с.

11. Толстой, Л. Н. Отрочество / Л. Н. Толстой // Собр. соч. : в 14 т. Т. 1. – М., 1952. – 246 с.

12. Эко, У. Пять эссе на темы этики / У. Эко. – СПб. : Symposium, 2005. – 159 с.

13. Янг, Л. Ускоряется ход событий / Л. Янг // Дельфис. – 2009. – № 4. – С. 66–71.

14. Яценко, А. И. Целеполагание и идеалы / А. И. Яценко. – Киев : Наукова думка, 1977. – 276 с.

15. <http://ru.wikipedia.org/wiki>

GLOBAL SENSE OF THE «HOPE» PHENOMENON

E. V. Barkova

The article presents philosophic and humanitarian substantiation of the «hope» phenomenon in the context of global humanistic paradigm. The author shows demand and productivity of the elaboration based on the classic methodology of the culturological world pattern centered by the category «hope».

Key words: *hope, human being, noosphere, being, global sense, cultural universals, cultural space-time, future.*